

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Базаров

В «Отцах и детях» Тургенев возвращается к «одноцентральной» структуре романа. Воплощением исторического движения, исторического перелома в романе является один герой, подобно тому как это было в первом романе писателя, названном именем героя, вокруг которого организовано действие, — «Рудин». Назвав роман «Отцы и дети» и окружив Базарова не единомышленниками и учениками, способными пойти далее его, а недостойными идти по его стопам подражателями (Аркадий, Ситников), Тургенев целиком на него возложил миссию представлять молодое поколение, «детей».

Базаров, по замыслу И. С. Тургенева, — нигилист и революционер. Он считает необходимым разрушение существующего порядка и коренное переустройство общества. Однако основания вполне недвусмысленной позиции неясны. Каким идеалом обосновано базаровское отрицание? Какова будущая программа общественного переустройства? В споре с Павлом Петровичем Базаров говорит, что у него нет и не может быть никакой положительной программы, так как у него нет и не может быть никакой другой цели, кроме цели разрушения. Будущего устройства касается и разговор Базарова с Одинцовой, когда Базаров говорит ей: «Исправьте общество, и болезней не будет». Важно, что он не говорит: «Да, в будущем люди будут умными и добрыми», он говорит: «По крайней мере при правильном устройстве общества совершенно будет равно, глуп ли человек или умен, зол или добр». То есть Базаров не хочет характеризовать людей будущего понятиями, имеющими оценочный смысл; он не хочет говорить «хорошо» или «плохо»; в его сознании эти категории принадлежат «теперешнему времени», так что оценивать в этих категориях то, что придет ему на смену, просто не имеет смысла. Таким образом, представление об идеале, во имя которого Базаров действует, не возникает. Это отличает Базарова от демократов-«шестидесятников», которые старались хоть в рамках цензурных ограничений обозначить контуры демократических и социалистических перспектив. Базаров же равнодушен к вопросам государственного устройства, к борьбе вокруг проектов «крестьянской» реформы, к революционной пропаганде, к журнальной публицистике и так далее, вокруг чего кипела жизнь демократов-«шестидесятников».

Базаров настаивает на неограниченной духовной свободе личности. «Я ничьих мнений не разделяю, я имею свои». Он отрицает не просто те или иные верования и авторитеты, но авторитеты как таковые, веру вообще, то есть принципиальную возможность верить во что бы то ни было. И это не принцип, а свойство мышления. Его ум противится любым заданным предпосылкам неличного порядка, любым окончательным решениям, всему, что может ограничить его критицизм. Свободный человек нравственно ничем не связан. Базаров отбрасывает вопросы о долге перед людьми и о моральном праве на вмешательство в их жизнь.

Логика Базарова — логика бескомпромиссного максимализма. По его представлениям, что не абсолютно хорошо, то плохо. Базаровское отрицание безгранично. Существующий мир должен быть разрушен полностью, иначе Россия никогда не выйдет из порочного круга механических времен, которые перестраивают ее жизнь, не обновляя и не улучшая ее. Таким образом, революционное отрицание Базарова небывалого размаха состоит в подчас пугающей внутренней свободе героя, категоричном и бескомпромиссном максимализме, его социальном одиночестве, а также в странном, всех уравнивающим демократизме, переходящем в элитарное ощущение себя «богом», в презрение к большинству людей. Базарову чужды альтруистические чувства, он не способен к жертвам, для него нет реальности более несомненной, чем закон борьбы за существование. Все на его пути — либо угроза, либо добыча, либо препятствие. Революционность героя показана

неотделимой и от самых страшных или отталкивающих свойств — хамства, использования людей, отрицания искусства. Но Базаров, полюбивший Пушкина и Моцарта, не мог бы быть отрицателем, революционером.

Во второй половине романа Базаров по-прежнему ясно видит, что жизнь, которую ведут окружающие его люди, не выдерживает серьезной критики. Но эти люди могут так жить и дальше! И не просто жить, но и получать от жизни все, что им нужно.

Любовь входит во внутренний мир Базарова как сила чуждая, враждебная, угрожающая разрушением его душевного строя. И в любви Базаров остается самим собой: он чувствует в Одинцовой силу, им движет искушение борьбы и потребности победы. Невозможность ответного чувства рождает ощущение поражения и своего бессилия. Базаров впервые воспринимает живую неповторимость другого человека как нечто ценное. Эта не совсем ясная устремленность героя за пределы собственного «я» делает его более уязвимым, но вместе с тем и более человеческим.

Трагическое столкновение революционности и человечности приводит к тому, что Базаров, пережив любовь, страдание и своеобразную «мировую скорбь», уже не может быть цельным и последовательным разрушителем, но основать свою жизнь на альтруистических началах он не может тоже, так как слишком силен, зол, свободен. Базаров бунтует против законов объективной необходимости, которую невозможно изменить или обойти. Он неспособен принять окружающий мир, каков он есть, хотя ясно, что мир этот другим быть не может. Базаров упорно не желает простить самому себе проявление человечности, хотя очевидна естественность его чувств. Он не способен отбросить терзающее его противоречие. Это высокое упорство идеалиста, не желающего удовлетвориться каким бы то ни было ограниченным решением.

Смерть явилась своеобразным трагическим разрешением, снимающим главное противоречие жизни Базарова. Умирая, герой снова целен, но не так, как в начале романа. Базаров умирает героически. Его цель в том, чтобы умереть таким, каким он жил, ни в чем не изменившись под давлением смерти и, значит, ни в чем ей не уступив. И в это последнее дело своей жизни Базаров не вкладывает никакого возвышенного смысла: это тоже значит — не измениться, остаться самим собой. Умирая, он может быть нежным, поэтичным, может попросить Одинцову о поцелуе. Теперь революционность не мешает человечности. Человечность теперь не слабость, а торжество. Таким образом, перед лицом смерти разрушаются все потенциальные возможности, подавленные или скрытые в его личности: Базаров впервые действительно становится самим собой — во всем и до конца.

По-видимому, в образе Базарова Тургенев попытался воплотить какую-то глубинную тенденцию русского сознания и русского общественного развития. Базаров выходит за пределы всех известных тогда форм революционности.

Базаров отрицает гармонию. А мировая гармония не может существовать без Базарова, без людей, восстающих против самого принципа гармонии, не принимающих тех условий, на которых осуществляется «вечное примирение и жизнь бесконечная». Таким образом, значение Базарова может раскрыться лишь в масштабе вечности, оно таинственно и грандиозно. Так, на уровне предельных обобщений, осуществляется тот решающий закон трагедии, по которому страдание и гибель героя утверждают его достоинство и величие.